

УДК 177

DOI: 10.17223/1998863X/64/11

Л.В. Плюснин

МЕСТО МОРАЛИ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЕКТАХ КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

Статья ставит своей целью определить ситуацию, при которой моральное содержание в современных практиках конструирования будущего может быть найдено. Исследуется вопрос того, можно ли найти деонтологическое моральное содержание в практиках конструирования будущего, и если да, то какое и в каких типах будущего.

Ключевые слова: мораль, науки о будущем, образ будущего, коммуникативная рациональность, философия языка

Введение

Проблематика будущего интересовала человека практически на всем протяжении его истории. Если раньше человек использовал разнообразные мистические и религиозные практики для того, чтобы проникнуть в тайну будущего и управлять им, то сегодня в его арсенале есть естественная наука и статистическое прогнозирование, и, что еще более важно, сегодня у него есть науки о будущем (futures studies). Несмотря на то, что науки о будущем – это достаточно молодые дисциплины (их история как направления насчитывает не более 60–70 лет [1. С. 9]), они проделали огромный путь до современного состояния. Сегодня они представляют будущее как древо возможных исходов развития событий [2. Р. 373], в рамках которого человек делает выбор между приемлемыми и неприемлемыми для него альтернативами [Ibid.], тогда как еще в 90-х гг. XX в. будущее воспринималось как в значительной степени детерминированная последовательность событий, сущность которых можно открыть посредством правильного метода научного исследования. Об этом свидетельствуют выбор в пользу методов прогностического характера и внимание к технологиям в XX в. [1, 3] и выбор в пользу методов, направленных на сценирование и внимание к социально-политическим трансформациям в XXI в. (в рамках форсайт-исследований) [4. Р. 17–19]. Долгосрочную тенденцию перехода от прогностических методов к методам конструирования (в частности, к методам, связанным со сценированием и картированием) подтверждают и исследования, анализирующие публикационную активность [5. Р. 7]. Иными словами, основной вопрос: «Как можно узнать будущее?» сменился на вопрос «Как можно построить будущее?».

Такая трансформация позволяет предположить, что будущее может быть наполнено моральным содержанием. Вполне вероятно, что именно имплицитное содержание морального смысла в том, как мы думаем и говорим о будущем, стало причиной этого сдвига на стыке веков, однако можно ли здесь говорить именно о моральности в классическом смысле – открытый вопрос, который нуждается в дополнительном осмыслении.

Моральное содержание (то, что считается содержательно морально значимым) в зависимости от принятой концепции морали будет отличаться. Для телеологических концепций морально значимым является понятие о благе, а для деонтологических – понятие морального долга. В рамках телеологических концепций благо определяется независимо от правильности [6. С. 35], что приводит к некоторым проблемам в области моральной оценки будущего (см. параграф 3). В этой связи основное внимание в этой статье будет уделено деонтологическим аспектам мышления о будущем.

Классиком деонтологической моральной теории безусловно является Иммануил Кант. В ключевом тексте «Критика практического разума» он проводит различие между гипотетическими и категорическими императивами. В первом случае императив «определяет условия причинности разумного существа как действующей причины только в отношении результата и достаточности для него» [7. С. 393]. Во втором случае императив «определяет только волю» вне всякого отношения к результату [Там же]. Таким образом, происходит разделение моральных поступков (совершенных в соответствии с категорическим императивом) и нормативно правильных, но в то же время не моральных (совершенных в соответствии с гипотетическим императивом). Изложенная Кантом точка зрения будет образцом классического деонтологического морального содержания в рамках настоящего исследования.

Для деонтологической традиции характерно понимание морального поведения как поступков, совершенных соразмерно с долгом, т.е. только из уважения к нравственному закону [Там же. С. 471]. Деонтологи, очевидно, столкнулись со значительными трудностями и многообразием точек зрения при попытке сформулировать содержание морального закона. В работе «Насколько разумна власть должностования» Юрген Хабермас замечает, что «он (Кант) исходит из того, что при формировании морального суждения каждый с помощью своей фантазии способен в надлежавшей мере войти в положение каждого другого» [8. С. 99], однако это неизбежно полагает наличие трансцендентального взаимопонимания относительно однородных жизненных обстоятельств и интересов [Там же], иными словами, предполагает значительное подобие морального мышления. Плюрализм субъективного опыта и неоднородность субъективных характеристик делают наличие такого подобия весьма сомнительным.

Сложности с формулированием морального закона подтолкнули этику к поиску альтернатив, и, по всей видимости, такой альтернативой стали моральные конвенции. Хабермас пишет, что для того чтобы принцип категорического императива мог быть выполним (в отсутствие трансцендентального взаимопонимания), необходимо создать ситуацию, в которой моральные нормы могут быть проверены посредством публичной дискуссии [Там же]. Таким образом, фокус моральной дискуссии сместился с содержательных положений (норм) на принципы их установления. Джон Ролз, излагая теорию справедливости, писал, что «социальная ситуация справедлива, если в результате такой последовательности гипотетических соглашений мы могли бы договориться об общей системе правил, которые определяют ситуацию» [6. С. 27]. Важно здесь не то, какие принципы справедливости предлагает Ролз, но то, что в очередной раз мы сталкиваемся с необходимостью публичной моральной коммуникации.

Потребность в организации, во всяком случае нормативной коммуникации, ощущают и практики в процессе конструирования будущего. Однако не совсем ясно, является ли это скрытой потребностью в практическом моральном конструировании или вектором на инструментальную регламентацию будущего.

Проблема заключается в том, что, как было отмечено ранее, еще совсем недавно наличие морального содержания в том, как мы говорим и думаем о будущем, не было предметом рассмотрения для исследователей будущего, хотя и могло скрыто содержаться в обсуждаемых понятиях. Сегодня можно увидеть методологический, но не теоретический фокус на моральную проблематику, что очевидным образом образует лауну для исследователей проблем морали.

В этом смысле представляется значимым понять: можно ли найти моральное содержание в предложениях о будущем, и если да, то какое? Является ли оно утилитаристским следствием максимизации счастья при минимизации несчастья для всех или в этих предложениях есть место «кантианскому» долгу?

В качестве **основного тезиса** этой статьи мы примем следующее утверждение: моральное содержание в предложениях о будущем, безусловно, присутствует, однако представляет собой ослабленное кантианское долженствование в духе уважения к конвенциональному согласию (в духе Хабермаса или Ролза).

Чтобы обосновать заявленный тезис, потребуется обратиться, с одной стороны, к инструментарию современной моральной теории, а с другой стороны, к инструментарию философии языка. Во-первых, будет исследована природа перехода от эпистемологического взгляда на исследование будущего к онтологическому с целью определить ситуацию, при которой моральное содержание в принципе может быть найдено. Во-вторых, сами предложения о будущем будут исследованы на предмет наличия моральной составляющей. В-третьих, на основании выводов из первого и второго параграфа будет исследован характер морального долженствования в ситуациях конструирования будущего.

1. Почему моральный смысл в предложениях о будущем может быть найден?

Для современной науки о будущем, как было показано во введении, характерен достаточно серьезный методологический сдвиг. Этот сдвиг выражается в полемике между сторонниками онтологического и эпистемологического фокуса в области исследования будущего [9. Р. 24–25]. Сторонники первого фокуса стараются разработать наиболее корректный методологический аппарат для описания предмета исследования, а вторые разрабатывают наиболее эффективные методики для его прогнозирования. Академическое доминирование последних (особенно до 2000-х гг. XXI в.), фокус инвестиций крупных компаний и грантовой поддержки фондов привели тому, что будущее все еще в значительной степени воспринимается через вероятностные прогностические модели. Негативным следствием такого подхода является эффект «колонизации будущего», когда создается иллюзия контроля и предсказуемости будущего на основании фиксации каузальных связей, хотя неиз-

бежная ангажированность исследователя предшествующим опытом и опора на уже известные паттерны приводят к отражению прошлого в будущем, но никак не к открытию будущего как объективной реальности [9. Р. 28]. Ризл Миллер, комментируя работу Джея Огилви [10], предлагает онтологический бергсонизм и теорию антиципации как вариант ухода от прогностического колониализма: «Важно как мы думаем о будущем, а не что мы думаем о будущем» [9. Р. 30]. Ключевой элемент этой теории – это наличие образа будущего через особую сценарную позицию (раскрытия возможностей из настоящего). Важное отличие от эпистемологического подхода здесь заключается в том, что происходит отказ от точки зрения, что будущее можно знать, однако предполагается, что его можно строить посредством акта свободной воли.

Онтологический бергсонизм в рамках исследований будущего также привносит модус «возможного». Если раньше будущее воспринималось скорее как неизвестная часть сущего, то сегодня его находят скорее в модусе «возможного» с возможностью выбора альтернатив. Именно такая постановка вопроса позволяет говорить о каком-либо моральном содержании, поскольку исключительно в рамках модуса «сущего» моральное содержание отыскать проблематично. В свое время это породило объемную дискуссию, однако, в отличие от ситуации исследователей будущего, модус «сущего» противопоставлялся модусу «должного» в области конструирования морали. Свой след в этой дискуссии оставили такие известные философы, как Д. Юм, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, К.-О. Апель и Ю. Хабермас. Поскольку модус «возможного» неразрывно связан с «сущим» потенциально, его явно недостаточно для поиска морального содержания в том, как мы мыслим и говорим о будущем, в связи с чем анализ проблематики модуса «должного» представляется перспективным.

Проблема соотношения «сущего» и «должного» выглядела так: можно ли выстраивать интерсубъективную мораль на основании наших знаний «о сущем» (например, естественных законах природы) или мы неизбежно должны склоняться к моральному трансцендентализму и апеллировать к чисто интеллектуальному чувству долга [11. С. 91–92]? Сложность этой проблемы заключалась в том, что отказ от классического трансцендентализма, произошедший в начале XX в., привел к тому, что аргументация моральных трансценденталистов (в первую очередь, Канта) утратила убедительную силу, однако в то же время негативные последствия принятия аугментации моральных материалистов (в первую очередь, Гегеля и Маркса) были очевидны и даже убедительно продемонстрированы в реальном мире некоторыми политическими акторами [12. С. 263–277].

Эту проблему пыталась разрешить трансцендентальная прагматика К.-О. Апеля, обратив пристальное внимание на процедуры морального конструирования. Апель сосредоточился на выведении логически необходимых правил формирования морального законодательства, в частности, установив единственное логически приемлемое отношение смысла и намерения говорящего [13. С. 231]. В дальнейшем «коммуникативная рациональность» дедуцировала список правил нерепрессивной коммуникации и принципов универсализма для этического конструирования.

Хабермас, через концепцию «коммуникативной рациональности», в рамках которой признаются рациональными только те суждения, что отвечают

требованиям дискурсивной теории D [14. С. 65–66] и универсалистской теории U [15. С. 103], конкретизировал апелевское стремление достигнуть идеальную речевую ситуацию в рамках идеального коммуникативного сообщества [12. С. 329–330]. Эта конкретизация хоть и остается в рамках заданного Апелем дуалистического подхода [Там же], но в то же время позволяет говорить о конкретном механизме принятия норм как общезначимых. В рамках дуализма Апеля нормы и суждения претендуют на этическую общезначимость как для реальных коммуникантов [7. С. 95–96], так и для трансцендентального коммуникативного сообщества [12. С. 329–330].

О совместимости данного рассуждения с проблематикой морального содержания мышления о будущем свидетельствует современный фокус исследований как последователей Хабермаса, так и его самого. Исследования касаются электоральных процедур в демократических государствах [16. Р. 141–158; 17. Р. 546–557], которые, по мнению авторов, наиболее похожи на концепт «неограниченного коммуникативного сообщества».

Электоральные процедуры в данном случае просто пример, однако если обратиться к их смыслу, то станет ясно, что в рамках этих процедур происходит выбор из возможных альтернатив и аргументативная коммуникация с целью обосновать значимость того или иного варианта.

Таким образом, будущее пребывает в модусе «возможного» как отражение разных альтернатив «сущего» и содержит в себе акт свободного выбора из предложенных альтернатив. Акт выбора, по всей видимости, сопровождается коммуникацией особого рода, направленной на обоснование тех или иных моральных положений. Акт выбора может быть мотивирован как из чувства долга, так и из какого-либо другого мотива, например оценки результата. Эта простая модель оставляет место для поиска морального содержания в мышлении о будущем. Поскольку наше мышление наиболее показательно отражается в языке, далее следует перейти к анализу предложений о будущем.

2. Предложения о будущем и их моральное содержание

Предложения о будущем условно можно разделить на две основные группы. В первом случае мы имеем дело с описанием некоторого естественного положения вещей в будущем. Например, предложение «Завтра пойдет дождь» выражает некоторое естественное положение вещей, которое может быть в той или иной мере детерминировано климатическими факторами. В то же время предложение «Завтра будем строить дом.» естественное состояние не отражает (если вы не освоили технологию самостроящихся домов). Более того, дома как такового еще в природе нет (предположим, что его даже не начинали строить), следовательно, речь не идет о каком-то существующем объекте в физическом мире, иными словами, мы не имеем явного референта. В этом смысле эти предложения сильно ограничены с точки зрения референтивной семантики [2. Р. 372–373].

Обсуждение вопроса истинности выглядит перспективным, потому что в случае конвенций истинность (признание истинности) влияет на то, какие суждения мы принимаем и считаем достойными достижения, а в случае с классической моралью отсылает нас к поиску несомненных оснований.

Проблематика истинностного значения предложений о будущем имеет довольно давнюю историю в философии. Первым данную проблему поднял

Аристотель в знаменитом вопросе «Должно ли случиться завтра морское сражение?». Основным предметом исследования в этой задаче становятся «единичные высказывания о будущих событиях» [18. С. 261]. Может ли быть истинным высказывание о том, что завтра произойдет, например, «морское сражение»? Если ответ утвердительный, то следует либо поставить под сомнение общезначимость закона исключенного третьего в логике высказываний, либо признать неизбежный фатализм последовательности событий [Там же].

Данная проблема имеет пресуппозицию, что «истинность знания делает необходимым соответствующий факт» [19. С. 345]. Аристотель выходит из поставленной им проблемы следующим образом: он причисляет высказывания о будущем к «неопределенным», т.е. они не могут иметь истинностное значение до того, как произойдут» [Там же. С. 262]. Здесь он идет по пути ограничения общезначимости закона исключенного третьего для предложений о будущем. Однако, учитывая различие потенциального сущего и реального сущего, можно говорить о том, что (в примере у Аристотеля) закон исключенного третьего оказывается применимым для сущего потенциального, но не для реального сущего. Для него этот закон сохраняется в том, что либо «морское сражение произойдет, либо морское сражение не произойдет, третьего варианта не существует» [18. С. 263].

Эта логическая дилемма вызвала достаточно широкий спектр дискуссий о фатализме. В частности, Боэций, вслед за Аристотелем, рассуждал о темпоральных проблемах детерминации. «Он исходит из постулатов: во-первых, каузальная предопределенность событий во времени не абсолютна. То есть то, что солнце взойдет, предопределено для солнца еще до того, как оно взошло, но не предопределено для человека [20. С. 281]. Во-вторых, Бог как особая сущность объемлет в себе все возможные события, в том числе и будущее события, тем самым предвидя их [Там же. С. 276]. В-третьих, божественное знание не может быть ошибочным» [19. С. 340; 20. С. 278]. Исходя из этих посылок, Боэций приходит к выводу о том, что, несмотря на ограниченность каузальности, факт всезнания Бога приводит к эпистемологическому фатализму [19. С. 341; 20. С. 289–290]. Боэций выходит из этого затруднения через разрушение противоречия между первой и двумя последующими посылками. Как полагает Е.В. Борисов, Боэций делает это на основании того, что знание Бога имеет вневременной характер, и поэтому противоречия нет, как нет и эпистемологического фатализма» [19. С. 341]. Факт всезнания Бога не нарушает темпоральную каузальность, поскольку это знание не находится во времени, тогда как знание человека и сама каузальность находятся во времени.

Очевидно, теологическая проблематика не является предметом нашего исследования, однако интересно то, как Гилберт Райл подошел к решению точно такой же проблемы, модифицировав дилемму Боэция. Райл исходит из положений, что, во-первых, следует отойти от теологической онтологии: для Райла не имеет значения, существовал ли прогноз в сознании Бога или в каком-либо ином сознании. Во-вторых, истина в варианте Райла имеет темпоральную локализацию и не является вечной. Таким образом, Райл более не может воспользоваться решением Боэция.

Райл предлагает понимание прогноза как некоторой пропозиции, истинностное значение которой может быть известно до того, как случится собы-

тие, которое оно означает. «Если такое высказывание было истинно, то вполне вероятно, что оно было истинно в любой момент прошлого» [19. С. 344], что опять же приводит к эпистемологическому фатализму. Райл выходит из этого следующим образом: он утверждает, что семантическая связь между высказыванием и событием ограничена темпорально, т.е. невозможно высказать пропозицию о том, чего еще нет. Таким образом, любая пропозиция, содержащая прогноз, будет говорить нечто не о реальном событии, которое еще не произошло, а о его вымышленном двойнике» [Там же].

Что это дает нам в контексте проблемы статьи? В первую очередь, мы можем принять возражения Райла в отношении семантической связи предложения и предмета. Иными словами, предметом предложения о будущем будет вымышленный двойник реального события, даже если высказывание и событие совпадут в точности, поскольку невозможно высказать пропозицию о предмете без существования самого предмета. Этот тезис будет справедлив в случае, когда предложение описывает естественное состояние мира, но будет ли он справедлив в случае «неестественного» состояния мира? По всей видимости, да, поскольку мышление предшествует осознанному действию, а результат аффективных действий вполне можно отнести к «естественному состоянию».

Уже упомянутое морское сражение может быть предопределено явными или неявными фактами, которые вызывают его с необходимостью, но данными фактами могут быть не только силы природы (судьбы или порядка вещей), но и решения людей. Более того, в современном дискурсе о будущем человеческий фактор признается определяющим [2, 21, 22. Р. 69]. Как было сказано ранее, мы будем называть это «неестественным» состоянием, т.е. состоянием, где вмешательство человека неизбежно для того, чтобы та или иная пропозиция о будущем была бы истинной.

Что касается вопроса истинности у таких пропозиций, то Хабермас полагал, что «истина» и «ложь» для пропозиций, утверждающих некоторый факт, и для нормативных предложений с претензией на значимость — это не одно и то же [23. С. 93–98], поскольку речь идет не о наличии факта в реальном мире или о логической непротиворечивости предложения, а о принятии или непринятии некоторых положений субъектом. Очевидно, что эти термины в приложении к морали имеют значительно меньшие притязания на необходимость. Сложность здесь в том, что в случае с классической деонтологической моралью истинность этих содержательных положений необходимо истинна, тогда как в случае более современного конвенционального понимания их необходимость ограничена коммуникативным сообществом.

Логичным будет предположить, что предложения о «неестественном» состоянии будущего могут иметь моральную составляющую, поскольку имеют дело с актом свободной воли. Такое предложение своего рода гибрид, поскольку одна половина предложения состоит из морального высказывания, т.е. говорит о действии, а вторая половина утверждает некоторую дескрипцию о будущем. Например, нужно отдать приказ кораблям выдвигаться, чтобы завтра произошло морское сражение. В этом примере мы имеем моральную часть «нужно отдать приказ» и дескриптивную «завтра произойдет морское сражение». В этом контексте предполагается, что морское сражение с высокой долей вероятности не может произойти, если не будет отдан при-

каз кораблям выдвигаться. Невольно пример Аристотеля оказался крайне удачным, поскольку в нем огромную роль играют действия людей: очевидно, что если бы речь шла, например, о том, «будет ли завтра теплая погода?» то вряд ли можно было бы говорить о моральном содержании, так как речь бы шла о естественном состоянии.

3. Классическое и неклассическое моральное содержание предложений о будущем

Возвращаясь к обозначенной проблеме статьи и по совместительству к кантианской этике, важно помнить, что моральное содержание в классическом смысле содержится только в разуме и соотносится с моральным законом, но никак не черпается в физическом мире [6. С. 31]. С опорой на материал Райла можно говорить о том, что предложения о будущем этому критерию соответствуют.

Главным вопросом здесь является то, что же является мотивацией или соразмерно с чем выполняется действие. Если действие мотивировано исключительно нравственным законом (каким бы он ни был), то можно говорить о классическом деонтологическом моральном содержании. В противном случае можно говорить о нормативности, но не о морали (во всяком случае исходя из кантианства).

Как было сказано во введении, достаточно наивно полагать, что трансцендентальный моральный закон вообще может быть найден, однако, как показала дискуссия вокруг соотношения «сущего» и «должного», возможно построение процедуры (трансцендентальная прагматика и теория коммуникативного действия), которая будет выполнять функцию морального закона для реального коммуникативного сообщества. В этом смысле процедура моральной коммуникации (и ее результаты) может быть объектом кантианского чувства уважения к моральному закону, поскольку будет удовлетворять критериям универсальности и беспристрастности.

В то же время это, естественно, уважение не к универсальному моральному закону в чистом виде, а своего рода симулякру морального закона, что не позволяет назвать это моральное содержание классическим. Фактически речь идет о моральной оценке, которая формирует «царство ценностей» [24. С. 72] или «царство целей» [25], соразмерно которым в дальнейшем будет определяться, достойно ли будущее воплотиться в жизнь или нет.

Безусловно, в рамках этой моральной оценки будущее может быть оценено совершенно с разных позиций, и сама по себе оценка еще не наполнена моральным содержанием. В частности, можно оценивать будущее с позиции эффективности, однако эффективность далеко не всегда является основой справедливости (в данном случае справедливость и моральность взаимозаменяемы, и то и другое – суть соответствие некоторому необходимому порядку). Как отмечает Ролз, можно привести достаточно обширное число контр-примеров, когда система может быть эффективной, но не справедливой по самым разным причинам [6. С. 74]. Поскольку не каждая моральная оценка может быть справедливой, а следовательно, моральной, необходимо признать, что моральным содержанием наполнено только то будущее, которое оценивается с позиции или всеобщего блага или ценностей личности (как это

делают некоторые виды утилитаризма, с одной стороны, и моральный трансцендентализм – с другой).

В этой связи будет полезно обратиться к аргументации, которую предлагает Ролз в свете этого различия. Он интерпретирует концепцию всеобщего блага в утилитаристском ключе. «Так как принцип (утилитаризма) для индивида заключается в наибольшем возможном достижении собственного благополучия, реализации его системы желаний, принцип для общества будет заключаться в преследовании наибольшего возможного благополучия группы, в реализации всеобъемлющей системы желаний, складывающихся из желаний индивидов» [6. С. 35]. В этом смысле то, что понимается под «благом», известно – следовательно, действия моральны, если ведут к заранее определенному благу. Это порождает проблему. Если удовлетворение от желаний ценно само по себе, можно представить социум, где люди получают удовольствие от страдания других. В рамках утилитаризма такие нормы должны быть отброшены, поскольку они социально деструктивны, а благополучие эффективнее максимизируется иным способом. Однако необходимость максимизации благополучия ничего не сообщает о том, что конкретно следует максимизировать, поскольку от субъекта к субъекту и, соответственно, от социума к социуму предмет будет отличаться [Там же]. В случае социальной экстраполяции «общественное благо» может быть найдено только апостериорно, например, только апостериорно мы понимаем, что наслаждаться страданиями людей социально деструктивно. Это вряд ли позволяет использовать такую концепцию применительно к конструированию будущего, поскольку будет способствовать эпистемологическому колониализму в отношении будущего. Таким образом, моральная оценка объектов конструирования с позиции ценности личности выглядит более перспективной, поскольку заранее позволяет определить характеристики конструирования.

Определенные механизмы работы с позиции ценности личности возможны в случае с «вероятным» и «возможным» будущим (обычно в рамках поиска наиболее приемлемых состояний в возможном будущем, исходя из наиболее вероятного сценария развития событий). Однако наиболее эффективна оценка с позиции «ценности личности» в отношении «предпочтительного (preferable) будущего, поскольку в этом типе будущего эти ценности могут быть репрезентированы. Данный тип будущего охватывает «нормативные варианты, признанные таковыми с учетом индивидуальных либо коллективных критериев» [5. Р. 6]. Для такой работы характерны методы, связанные с сценарированием и ретрополяцией (движение от некоторой картины будущего к сегодняшнему дню) [Ibid.]. Важно для нас здесь то, что «предпочтительное» будущее, в отличие от «возможного» и «вероятного», принципиально может быть очищено от субъективных ощущений, интересов и потребностей биологического выживания, поскольку является интеллигибельным. Из этого не следует, что оно необходимо очищается от этих характеристик, однако сама возможность этого позволяет говорить о процедурах, способных максимально эффективно обеспечить это очищение.

Иными словами, именно в рамках дискурса о «желаемом» будущем возможно интеллектуальное моральное конструирование, как это предполагала классическая деонтология (естественно, принимая во внимание историчность

субъекта и его включенность в мир, о чем замечали Хабермас и Мартин Хайдеггер).

Заключение

Подводя итог, заметим, что моральное содержание в том, как мы думаем и говорим о будущем, если и может быть найдено, то наиболее вероятно, оно, во-первых, будет носить конвенциональный характер, поскольку убедительная сила классического трансцендентализма и морального материализма сегодня выглядит сомнительной.

Во-вторых, процедура конвенции и соответственно ее результаты могут быть предметом кантианского чувства беспристрастного уважения к универсальной норме и таким образом наполнять будущее классическим моральным содержанием с определенными ограничениями, в том случае если удовлетворяют требованиям к такого рода процедурам, подробно изложенным в работах Апеля и Хабермаса.

В-третьих, моральная оценка, исходящая из принципа ценности личности, является наиболее предпочтительной для объектов, конструируемых в будущем, и наиболее полно репрезентируется в категории «предпочтительное будущее».

В-четвертых, нахождение морального содержания в категории «предпочтительного будущего» позволяет говорить о близости этого содержания к деонтологической этической концепции и принципиальной возможности универсального морального содержания, поскольку, во-первых, «предпочтительное» будущее всегда ментальная конструкция, с весьма условной связью с «сущим» и «возможным». Во-вторых, в предпочтительном будущем может быть наиболее полно репрезентированы ценности личности, которые в том или ином роде являются моральным содержанием для деонтологических концепций.

Таким образом, моральное содержание в современных проектах исследования будущего наиболее явно проявляется в рамках работы с «желаемым будущим» при условии построения и соблюдения требуемых коммуникативных процедур, к которым впоследствии можно проявлять чувство кантианского уважения на основании чувства универсальности и беспристрастности.

Литература

1. Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. Т. 1, № 1. С. 8–15. URL: <https://foresight-journal.hse.ru/data/2010/12/31/1208181000/01.pdf> (дата обращения: 06.06.2018).
2. Niiniluoto I. Futures studies: science or art? // Futures. 2001. № 33. Р. 371–377.
3. Кинен М. Технологический Форсайт: международный опыт // Форсайт. 2009. Т. 3, № 3. С. 60–67. URL: <https://foresight-journal.hse.ru/data/2010/12/31/1208184343/10-keenana.pdf> (дата обращения: 06.06.2018).
4. Popper R., Keenan M., Miles I., Butter M., Sainz G. Global Foresight Outlook 2007: Mapping Foresight in Europe and the rest of the World, The EFMN Annual Mapping Report. European Commission, EFMN, 2007. 66 p. URL: http://projects.mcrit.com/foresightlibrary/attachments/article/1066/efmn_global.foresight.outlook_Popper.et.al.2007.pdf (accessed: 26.07.2021).
5. Kishita Y. Foresight and Roadmapping Methodology: Trends and Outlook // Foresight and STI Governance. 2021. Т. 15, № 2. Р. 5–11.
6. Ролз Дж. Теория справедливости : пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.
7. Кант И. Критика практического разума / пер. Н.М. Соколова // Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 373–566.

8. *Хабермас Ю.* Насколько разумна власть должностования // Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю.С. Медведева ; под ред. Д. В. Складнева. СПб. : Наука, 2008. С. 51–119.
9. *Miller R.* Being without existing: the futures community at a turning point? A comment on Jay Ogilvy's "Facing the fold" // *Foresight – The journal of future studies, strategic thinking and policy.* 2011. Vol. 13, № 4. P. 24–34.
10. *Ogilvy J.* Facing the fold: from the eclipse of Utopia to the restoration of hope // *Foresight – The journal of future studies, strategic thinking and policy.* 2011. Vol. 13, № 4. P. 7–23.
11. *Буланенко М.Е.* Понятие истины в современной науке и концепция коммуникативной рациональности // *Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета.* 2010. Т. 3, № 55. С. 90–99.
12. *Апель К.-О.* Априори коммуникативного сообщества и основания этики. К проблеме рационального обоснования этики в век науки // *Трансформация философии* / пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М. : Логос, 2001. С. 263–344.
13. *Апель К.-О.* Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук // *Трансформация философии* / пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М. : Логос, 2001. С. 193–237.
14. *Фурс В.Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск : ЗАО «Экономпресс», 2000. 224 с.
15. *Хабермас Ю.* Этика дискурса: замечания к программе обоснования // *Моральное сознание и коммуникативное действие* / пер. с нем., под ред. Д.В. Складнева. СПб. : Наука, 2001. С. 67–173.
16. *Engelken-Jorge M.* Two Approaches to Communicative Rationality: Analysing Democratic Deliberation and Collective Learning Processes. // *Revista Española de Ciencia Política.* 2016. № 41. P. 141–158.
17. *Habermas J.* Democracy in Europe: why the development of the EU into a transnational democracy is necessary and how it is possible // *European Law Journal.* July 2015. Vol. 21, № 4. P. 546–557.
18. *Спешилова Е.И.* Истинностное значение высказываний о будущих единичных событиях у Аристотеля // *СХОЛН.* 2015. Т. 9, № 2. С. 260–264.
19. *Борисов Е.В.* Бозций и Райл о фатализме // *СХОЛН.* 2014. Т. 8, № 2. С. 339–347.
20. *Бозций.* Утешение философией // *Утешение философией и другие трактаты* / пер. В.И. Уколовой и М.Н. Цейтлина. М. : Наука, 1990. С. 190–291.
21. *Бассей М.* Концептуальные основы и эффекты форсайт-исследований: классификация и практика применения // *Форсайт.* 2013. Т. 7, № 3. С. 64–73. Электрон. версия печат. публ. URL: <https://foresight-journal.hse.ru/data/2013/09/28/1277498603/6-Bussey-64-73.pdf> (дата обращения: 10.06.2018).
22. *Voros J.* On the philosophical foundations of futures research // *Knowing Tomorrow?: How Science Deals with the Future.* Eburon Academic Publishers. Utrecht, 2009. 222 p.
23. *Хабермас Ю.* Этика дискурса: замечания к программе обоснования // *Моральное сознание и коммуникативное действие* / пер. с нем., под ред. Д.В. Складнева. СПб. : Наука, 2001. С. 67–173.
24. *Антоновский А. Ю.* Коммуникативная рациональность – внешняя и внутренняя // *Эпистемология и философия науки.* 2008. Т. 17, № 3. С. 71–77.
25. *Blau A.* Habermas on rationality: Means, ends and communication // *European journal of political theory.* SAGE Publishing, 2019. (6.c.)

Lev V. Plyusnin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: Levplusnin@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 114–126.

DOI: 10.17223/1998863X/64/11

THE ROLE OF MORALITY IN CONTEMPORARY PROJECTS OF CONSTRUCTING THE FUTURE

Keywords: morality; futures studies; future vision; communicative rationality; philosophy of language

The article examines the phenomenon of morality in the framework of modern projects of construction and research of the future (futures studies). The article aims to determine the situation in

which the moral content in modern practices of constructing the future can be found. This issue is of interest since not so long ago the presence of moral content in how we speak and think about the future was not a subject of consideration for researchers of the future, although it could be implied in the discussed concepts. Today one can see a methodological, but not theoretical, focus on moral issues, which obviously forms a lacuna for researchers of moral problems. It seems important to understand whether it is possible to find moral content in statements about the future, and, if so, what content it is. Is it a utilitarian consequence of maximizing happiness while minimizing unhappiness for all, or is there a “Kantian” duty in these statements? The article proceeds from the fact that modern deontological philosophy was in a situation where the rejection of classical transcendentalism, which occurred at the beginning of the 20th century, led to the fact that the argumentation of moral transcendentalists (primarily Kant) lost its convincing force, but negative consequences of accepting the augmentation of moral materialists (primarily Hegel and Marx) still remain obvious. The second important premise is that difficulties with the formulation of a moral law made ethics seek alternatives, and, most likely, moral conventions became an alternative. Thus, the main thesis of the article is as follows: statements about the future possess moral content, but this content represents a weakened Kantian obligation in the spirit of respect for conventional consent (like Habermas or Rawls suggest). To substantiate the thesis, the article refers to the instruments of modern moral theory and the philosophy of language. Firstly, the article examines the nature of the transition from an epistemological view on the study of the future to an ontological one with the aim of determining the situation in which moral content can in principle be found. Secondly, the article examines statements about the future themselves for the presence of moral content in them. Thirdly, based on the conclusions from the first and second sections, the article investigates the nature of moral obligation in situations of constructing the future. The author comes to the conclusion that moral content in how we think and speak about the future, if it can be found, is most likely, firstly, to be of a conventional nature, since the persuasive power of classical transcendentalism and moral materialism today looks questionable. Secondly, the convention procedure and, accordingly, its results can be the subject of a Kantian sense of impartial respect for the universal norm and thus fill the future with classical moral content with certain restrictions if they satisfy the requirements for such procedures (detailed in the works of Apel and Habermas). Thirdly, a moral assessment proceeding from the principle of personality value is the most preferable for objects constructed in the future and is most fully represented in the category of a “preferable future”. Fourthly, finding the moral content in the category of “preferred future” allows speaking about the proximity of this content to the deontological ethical concept and the fundamental possibility of universal moral content, since, firstly, the “preferred” future is always a mental construction, with a very conditional connection with the “existing” and the “possible”. Secondly, in the preferred future, the values of the individual may be most fully represented; these values, in one way or another, are moral content for deontological concepts. Thus, moral content in modern projects of futures studies is most clearly manifested when working with the “preferable future” and observing the construction of and adherence to the required communication procedures, to which a feeling of Kantian respect can subsequently be shown based on a sense of universality and impartiality.

References

11. Sokolov, A.V. (2007) Foresight: a look into the future. *Forsayt – Foresight and STI Governance*. 1(1). pp. 8–15. (In Russian). DOI: 10.17323/1995-459x.2007.1.8.15
2. Niiniluoto, I. (2001) Futures studies: science or art? *Futures*. 33. pp. 371–377.
3. Keenan, M. (2009) Technology Foresight: International Experience. *Forsayt – Foresight and STI Governance*. 3(3). pp. 60–67. (In Russian). DOI: 10.17323/1995-459x.2009.3.60.68
4. Popper, R., Keenan, M., Miles, I., Butter, M. & Sainz, G. (2007) *Global Foresight Outlook 2007: Mapping Foresight in Europe and the rest of the World, The EFMN Annual Mapping Report*. European Commission, EFMN. [Online] Available from: http://projects.mcrit.com/foresightlibrary/attachments/article/1066/efmn.global.foresight.outlook_Popper.et.al.2007.pdf (Accessed: 26th July 2021).
5. Kishita, Y. (2021) Foresight and Roadmapping Methodology: Trends and Outlook. *Forsayt – Foresight and STI Governance*. 15(2). pp. 5–11. DOI: 10.17323/2500-2597.2021.2.5.11
6. Rawls, J. (2010) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Translated from English by V.V. Tselishchev. 2nd ed. Moscow: LKI.
7. Kant, I. (1994) *Sobranie sochioneniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Translated from German. Vol. 4. Moscow: Choro. pp. 373–566.

8. Habermas, J. (2008) *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory]. Translated from German by Yu.S. Medvedev. St. Petersburg: Nauka. pp. 51–119.
9. Miller, R. (2011) Being without existing: the futures community at a turning point? A comment on Jay Ogilvy's "Facing the fold". *Foresight*. 13(4). pp. 24–34. DOI: 10.1108/14636681111153940
10. Ogilvy, J. (2011) Facing the fold: from the eclipse of Utopia to the restoration of hope. *Foresight*. 13(4). pp. 7–23. DOI: 10.1108/14636681111153931
11. Bulanenko, M.E. (2010) Idea of truth in contemporary science and conception of communicative reality. *Vestnik tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 3(55). pp. 90–99. (In Russian).
12. Apel, K.-O. (2001a) *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy]. Translated from German by V. Kurennaya, B. Skuratov. Moscow: Logos. pp. 263–344.
13. Apel, K.-O. (2001b) *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy]. Translated from German by V. Kurennaya, B. Skuratov. Moscow: Logos. pp. 193–237.
14. Furs, V.N. (2000) *Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Khabermasa* [The philosophy of unfinished modernity by Jürgen Habermas]. Minsk: ZAO "Ekonompress".
15. Habermas, J. (2001a) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka. pp. 67–173.
16. Engelken-Jorge, M. (2016) Two Approaches to Communicative Rationality: Analysing Democratic Deliberation and Collective Learning Processes. *Revista Española de Ciencia Política*. 41. pp. 141–158.
17. Habermas, J. (2015) Democracy in Europe: why the development of the EU into a transnational democracy is necessary and how it is possible. *European Law Journal*. 21(4). pp. 546–557. DOI: 10.1111/eulj.12128
18. Speshilova, E.I. (2015) The truth-value of future contingent propositions in Aristotle. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 9(2). pp. 260–264. (In Russian).
19. Borisov, E.V. (2014) Boethius and Ryle on Epistemic Fatalism. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 8(2). pp. 339–347. (In Russian).
20. Boethius. (1990) *Uteshenie filosofiy i drugie traktaty* [Consolation in Philosophy and Other Treatises]. Translated by V.I. Ukolova, M.N. Tseytlin. Moscow: Nauka. pp. 190–291.
21. Bussey, M. (2013) Conceptual Frameworks of Foresight and Their Effects: Typology and Applications. *Forsayt – Foresight and STI Governance*. 7(3). pp. 64–73. [Online] Available from: <https://foresight-journal.hse.ru/data/2013/09/28/1277498603/6-Bussey-64-73.pdf> (Accessed: 10th June 2018). (In Russian).
22. Voros, J. (2009) On the philosophical foundations of futures research. In: Duin, P. van der *Knowing Tomorrow?: How Science Deals with the Future*. Utrecht: Eburon Academic Publishers.
23. Habermas, J. (2001b) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka. pp. 67–173.
24. Antonovskiy, A.Yu. (2008) Kommunikativnaya ratsional'nost' – vneshnyaya i vnutrennyaya [External and internal communicative rationality]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 17(3). pp. 71–77.
25. Blau, A. (2019) Habermas on rationality: Means, ends and communication. *European Journal of Political Theory*. August. DOI: 10.1177/1474885119867679